

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XX ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1985
Часть II

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1986

Хайям говорит:

Приход наш и уход загадочны, - их цели

Все мудрецы земли осмыслить не сумели.

Где круга этого начало, где конец,

Откуда мы пришли, куда уйдем отселе?⁴

Выше мы только попытались приоткрыть дверь в поэзию замечательного курдского художника - Маулави. Нам представляется, что мир его четверостиший заслуживает тщательного и глубокого исследования.

I. عین زره دیرین مستمنا په سهوول . نژا کهلوری کوردی و شه دهک نژا کهلوری کوردی . به بغداد ، ۱۹۷۰ ، ص ۶۸ .

Изадин Мустафа Рассул. Исследование курдского фольклора. Багдад, 1970, с. 68.

2. Там же. ملا عبد الكريم مودم بريس . ديوان ماولوي . به بغداد ، ۱۹۶۱ .

3. Мулла Абдуль-карим Мударрис. Диван Маулави. Багдад, 1961.

4. Шаислам Шамухамедов. Омар Хайям (рубай). Ташкент, 1978, с. 12.

М.А.Болдырева

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЯВАНСКОЙ ЛЕГЕНДЫ О ЦАРЕ ПАРИКСИТЕ В СТИХОТВОРЕНИИ ГУНАВАНА МОХАМАДА "ПАРИКСИТ"

Париксит - персонаж яванской легенды, являющейся фрагментом древнеяванского эпоса "Адипарва".¹ Согласно легенде, Париксит стал царем Хастинапуры.² Как истинный представитель рода Пандавов Париксит очень любил охоту. Случилось так, что на охоте он невольно обидел старого отшельника. Сын отшельника, могущественный Трунги, в гневе за обиду, нанесенную его отцу, проклял Париксита, сказав ему через семь дней, до захода солнца, гибель от укуса дракона Таксаки. Чтобы избежать смерти, Париксит велел без промедления воздвигнуть высокий столб и на столбе построить дворец.

Дальше легенда гласит: "Была башня, очень высокая, как гора, крепкая... она охранялась брахманами, молитва которых была совершенной, и врачевателями ядов, все усердно оберегали башню, а царь находился внутри нее". Семь дней провел он в этом дворце, а на седьмой день брахман принес плодов джамбу для царя, - дракон же Таксака, превратившийся в червяка, спрятался в плодах.

Когда брахман с плодами появился и прочитал священные молитвы, царь приказал ему уйти. Но в этот момент солнце стало заходить, и

царь подумал, что он уже вне опасности; взяв плод джамбу, царь увидел на нем черного блестящего червяка. Париксит засмеялся, вспомнив змея, который угрожал его жизни, и сказал: "Видно, предсказание отшельника было правильным. Вот дракон Таксака на плоде джамбу; это он укусит и убьет меня".

Эта насмешка царя была как будто приказанием для червяка: в тот же момент он превратился в дракона Таксаку, который укусил царя в шею. Тело Париксита вспыхнуло и превратилось в пепел.

Таково краткое изложение части легенды, сюжет которой послужил основой стихотворения Гунавана Мохамата.

Стихотворение Гунавана Мохамата написано свободным стихом, местами тяготеющим к стихотворению в прозе. По размеру это стихотворение похоже на поэму. Пяти его частям—главкам предшествует экспозиция.

Экспозиция представляет рассказ от автора, изображающий Париксита в башне в самом конце срока, на протяжении которого должно исполниться проклятие сына отшельника:

Париксит ждал, чтобы день скорее кончился.

Люди ждали того часа, когда проклятье, ниспосланное на него, перестанет тяготеть над ним, чтобы государь освободился от угрозы быть уничтоженным Драконом Таксакой. Близились сумерки. Молодой царь, спрятавшийся на самой вершине башни, стоял, прильнув к окну. Поднялся ветер.³

Этот рассказ от автора застаёт Париксита в момент напряжённого ожидания, о котором говорят не только начальные слова, но и поза царя: он стоял, прильнув к окну.

Затем следуют пять частей стихотворения, представляющих внутренний монолог Париксита, его размышление, приведшее его к неожиданному на первый взгляд — и роковому решению.

Приведем отрывки из стихотворения:

I

Я знав, что из чрева времени возникло проклятье,
направленное в мою грудь. Ветер все еще налетал
на стены башни, твёрды среди всех твёрдых /.../

Далеко подо мной рассеян мой народ,
который ждёт. Тот, который меня спас, но также и
мучил меня. Тот, который молится, в то время как
я не молюсь. Тот, у которого теперь свои ветры,
свои дожди и свои горести. Тот, который не знает,

что мы не можем поделиться.

(Но эти муки его

муки, которые я поверяю слабости моих рук).

Теперь же я впиваю запах сумерек, запах свечей и праздника: праздника свободы, но также заклинаний, исполненных стыда из-за страха сердца. Запах одиночества, необыкновенного одиночества.

Как будто это одиночество, скрестившее ноги, бросило мне вызов.

II

Башня - тюрьма, но и спаситель моего тела.

Высоко она поднимает землю, утверждает себя, бросая вызов небу: великое высокомерие, обращенное к великой вселенной. Поэтому небо, во всем его великолепии красок, не место для меня. И земля страшится меня покинуть.

Теперь я выбрал, потому что семья и народ, любимые мною, - спасение моего тела.

Теперь я выбрал, из-за своего страха, дни, которые не дадут свободы моему сердцу.

И я избежал Смерти, собственной смерти /.../

Асватама,⁴ почему ты не убил еще тогда того младенца? Почему ты освободил меня?

III

И сразу же сумерки стали полными, и последняя точка солнца упала. И то проклятье пришло, разрушив и превратив меня в пепел /.../

Проследим за ходом мыслей Париксита в его монологе-размышлении.

Упомянув, вернее, подтвердив мысленно свое знание о проклятье, Париксит думает о народе, ждущем освобождения его от проклятия. Народ его спас, построив для него эту башню, но он стал страшно далек от своего народа тем, что удалился в нее.

Сумерки - конец седьмого дня - срока, на протяжении которого действует проклятие, являются для него праздником свободы, поскольку означают освобождение от проклятия. Но этот праздник несет ему одиночество внутреннее - из-за стыда перед страхом, заставившим его удалиться в башню.

Заклотив себя в башню, Париксит спас свое тело, лишив свободы душу; он решился бороться с роком. Поэтому в его представлении эта башня - проявление высокомерия, вызов земле и небу.

Он сделал выбор – спасти себя для своей семьи и народа. Но также из-за страха смерти.

Итак, – подводит он итог своим размышлениям, – он избежал своей смерти.

Дальше следует взрыв: неожиданный скачок мыслей – обращение к Асватаме (который пытался убить его еще во чреве матери) с упреком, почему он не сделал этого и этим освободил его для теперешних мук. Это восклицание Париксита производит роковое действие: "И сразу же сумерки стали полными, и последняя точка солнца упала. И то проклятие пришло, разрушив и превратив меня в пепел".

Но проклятие сбылось не на самом деле, а в воображении Париксита: ведь он парадоксальным образом говорит о своем уже наступившем уничтожении. Далее он объясняет, почему он намеренно вызвал совершение проклятия: не потому, что не выдержал мук ожидания, но от желания победить свой страх. Этот страх смерти порожден любовью к жизни и так же силен, как эта любовь. Ощущение Парикситом жизни поэтично, тонко, своеобразно, оно усилено, сконцентрировано тем единственным источником – окном, через которое он черпает эту жизнь (его море, например, "внимательно смотрит" на окружающий мир).

В то время, как Париксит вызывает в воображении момент исполнения рокового приговора, скрип окна заставляет его вздрогнуть: не смерть ли пришла на самом деле? Он ждет ее, потому что в нем уже созрело решение, он уже сделал свой выбор, хотя и не высказывает этого, напротив, пока ясно, что в действительности он выбрал жизнь.

Продолжая свое мучительное размышление, он еще раз представляет возможность благополучного исхода. Но в этом случае он будет нести несчастье в себе: освободившись от проклятия, он лишится внутренней свободы, утратит свое "я": "... потому что я уже свободен, но также и не свободен, И я не узнаю прежнего своего лица".

А если так – то пусть Таксака его умертвит. Бросив вызов смерти, он преодолевает свой страх. И этим обретает утраченную внутреннюю свободу, свое утраченное "я".

В заключение Париксит размышляет о неизбежности ухода из жизни, который трагичен, когда он происходит с ощущением в себе полноты жизни.

Весь этот монолог-размышление представляет собой как бы репетицию драмы, проигрываемой в его воображении. Из монолога Париксита следует, что проклятие свершилось не силой внешних роковых обстоятельств; но потому, что он сам этого захотел, сделал свой вы-

бор — умереть; он "дает" осуществиться проклятию.

Париксит находится во власти внутреннего противоречия, раздиравших его мучительных колебаний в выборе между жизнью и смертью. Это внутреннее противоречие, этот его путь от одного решения к другому являются в стихотворении Гунавана Мохамата силой, приводящей в движение сюжет, и источником напряженного драматизма.

Потребность в объяснении, казалось бы, необъяснимого поведения царя — в легенде, немотивированного его решения (когда в самом конце рокового срока он рискует, посмеявшись над червяком), — возможно, и привели Гунавана Мохамата к созданию этого стихотворения. Объяснение, внутренняя мотивировка решения царя составили содержание внутреннего конфликта, лежащего в основе драмы, смысл драматической ситуации.

В легенде, в отличие от поэмы, мы находим лишь внешнюю сюжетную схему. В легенде ничего не говорится о размышлениях царя, мы ничего не знаем об его психологии; всякий элемент внутреннего конфликта, психологической драмы здесь отсутствует. В этом состоит главное отличие легенды от стихотворения.

В легенде остается неясным и характер царя, то есть характер там вовсе отсутствует.

В стихотворении Гунавана Мохамата психология героя раскрывается через кажущуюся парадоксальной логику его размышлений, диктующую его поступки. Поэтому, несмотря на то, что в стихотворении отсутствуют какие-либо объективные характеристики героя, из его монолога-размышления возникает определенный образ Париксита-царя и Париксита-человека.

Париксит-царь любит свой народ, тяжело переживает свою вынужденную отчужденность от него. Он решился пойти на эту муку — добровольно заключил себя в башню не только из страха смерти, но также из любви к своему народу, повинувшись его воле, его желанию. (В легенде народ не упоминается вообще).

Париксит-человек — горд, не желает идти на компромиссы, глубоко и тонко чувствует; обладает философским складом ума.

В интерпретации Гунаваном Мохаматом этой легенды легко можно различить черты экзистенциалистского мировосприятия: подчеркнутый фатализм Париксита, вопрос выбора, составляющий содержание внутреннего конфликта этой драмы и выбор, который он сделал, исходя — отчасти — из роковой предопределенности, тяготеющей над ним. Поэзии Гунавана Мохамата свойственны в какой-то мере экзистенциалистские умонастроения. С 50-х годов экзистенциализм получил чрезвычайно широкое распространение в литературе и искусстве Индонезии.

На материале яванской легенды, на ее сюжетной канве Гунаван Мохамад создал сугубо индивидуальное произведение, в котором в полной мере проявилось своеобразие его поэтического видения. В этом стихотворении Гунаван Мохамад проявил себя как тонкий лирик и своеобразный философ, мастер психологического анализа.

Здесь можно наблюдать характерные черты поэтики Гунавана Мохамата: сдержанность поэтического языка, применяемые им приемы умолчания, недоговоренности, которые связаны с огромной ролью подтекста, с преобладающей ролью заднего плана.

1. Мы излагаем содержание этой легенды по книге "Адипарва", ч. I (Adiparwa, Jilid I, Jogjakarta, 1958). Книга представляет собой перевод с древнеяванского языка на индонезийский. Древнеяванский эпос "Адипарва" содержит яванский вариант индийского эпоса "Махабхарата".
2. Хастинапура - столица легендарных Пандавов из "Махабхараты".
3. Текст вступления дан курсивом.
4. Согласно легенде Париксит был умерщвлен во чреве матери стрелой из волшебного лука Асватами, представителя враждебного Пандавам рода. (Имя Париксит означает "погибший, но воскресший").

А.Д.Бурман

СТАНДАРТНЫЕ ФОРМУЛЫ ОБРАЩЕНИЯ И ШАМАНСКИЕ "ПРИЗЫВАНИЯ" В БИРМАНСКОЙ ДРАМЕ XIX ВЕКА

Бирманская драматургия XIX века, будучи уже авторской, еще сохраняла тесную связь с фольклорно-эпической традицией, что выразилось, в частности, в использовании постоянных эпитетов, стандартных формул, стереотипных описаний и т.д.

В данном сообщении мы намерены обратить внимание читателя на сходство структуры стандартной формулы (литературный прием бирманской драматургии) и "шаманского" гимна-инвокации, который поется перед спектаклем (прологовая сцена), и не будучи частью текста пьесы, выступает в чисто ритуальной роли.

Стандартная формула обращения "пхвэ" (наизывание слов) чаще всего представляет собой восхваление лица, к которому обращаются и носит идеализирующий характер. Она отличается определенными формальными признаками - обычно это законченный стихотворный пассаж, состоящий из четырех-шести строк (иногда десяти-двенадцати). Пос-